

Ващенко Илья Игоревич

Исторический опыт коллективизации в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации

Специальность 07.00.02 Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Майкоп - 2019

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», на кафедре отечественной истории, историографии, теории и методологии истории.

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Почешхов Нурбий Асланович

Официальные оппоненты: Наухацкий Виталий Васильевич
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)», заведующий
кафедрой исторических наук и политологии (г.
Ростов-на-Дону)

Убушаев Евгений Николаевич
кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова», доцент
кафедры истории России, документоведения и
архивоведения (г. Элиста)

Ведущая организация: ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева» (г.
Майкоп)

Защита состоится «31» мая 2019 г. в 11⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д 999.148.03 по историческим наукам на базе ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15, конференц-зал (ауд. 213)

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» www.adygnet.ru. Текст автореферата также размещен на сайтах ВАК РФ <http://vak.ed.gov.ru>; ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» www.agpu.net; ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева» <http://kchgu.ru>

Автореферат разослан « » апреля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шхачемуков Рустам Махмудович

Общая характеристика работы

Актуальность исследуемой проблемы. На современном этапе развития исторического знания особый смысл приобретает обращение как к позитивному, так и негативному опыту социалистического строительства в нашей стране. Коллективизация была нацелена не только на кардинальные и быстрые социалистические преобразования сельского хозяйства, но и оказала влияние на экономику, на социальную структуру общества, на демографические процессы, урбанизацию.

Без понимания взаимообусловленности этих сложных, многоплановых явлений невозможно осмыслить тот путь, который прошло крестьянство от общинного строя к жёстко регламентируемым коллективистским формам хозяйствования, тем более понять явления и процессы, происходящие в наши дни. Учитывая, что многочисленные народы СССР имели различную практику хозяйствования на земле, особый смысл приобретает обращение к истории коллективизации в отдельных регионах страны, в частности Адыгее.

Актуальность избранной темы обусловлена и степенью её разработанности. Несмотря на определённые достижения в области изучения аграрных преобразований, накопленный фактический и теоретический материал, возникла потребность в более аргументированных обобщениях, чёткой формулировке концептуальных подходов, расширении источниковой базы, совершенствовании методологии проводимых исследований. Эти замечания с полным основанием могут быть отнесены к историографии коллективизации в Адыгее. Так, работы, опубликованные на материалах Адыгеи, заложившие основу изучения коллективизации, требуют серьёзной корректировки с учётом новых тенденций в современной исторической науке, введения новых источников, совершенствования приёмов их анализа.

Адыгея, как один из регионов Северного Кавказа, имеет богатый опыт не только позитивный, но и негативный, в частности, допуск разрыва между политическими целями и социально-экономическими средствами их достижения, что порой вызывало противоречивую ситуацию в отношениях власти и крестьянского социума. Всё это является основанием для обращения к историческому прошлому в целях недопущения тех ошибок, которые на долгие годы предопределили аграрному сектору второстепенное место в общей структуре народнохозяйственного комплекса страны.

Ни одна проблема российской истории не вызывала столько дискуссий, как коллективизация. Уже в конце 1920-х гг. крупнейшие ученые-экономисты Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов аргументировано доказывали несостоятельность идей немедленной и быстрой коллективизации крестьянских хозяйств. Полемика историков, политологов, социологов продолжается и в наши дни. В поле зрения современных исследователей стоят такие вопросы, как была ли Россия обречена на свой тяжкий путь, был ли альтернативный путь развития сельского хозяйства, в чём состоят «трагические ошибки» истории в этом вопросе?

Проблема развития отечественного сельского хозяйства крайне обострилась в последнее время в связи с введением международных санкций против российской экономики. В результате первостепенное значение приобретает задача создания благоприятных условий для развития отечественного сельскохозяйственного производства, проведения мероприятий в области импортозамещения в рамках продовольственной безопасности нашей страны. В современных условиях на государственном уровне принят ряд национальных проектов, в том числе по сельскому хозяйству. В условиях поиска оптимальных вариантов возрождения российского села необходимо обращение к опыту аграрных преобразований на самых судьбоносных, переломных этапах развития страны.

Степень изученности проблемы. В ряду наиболее острых, дискуссионных проблем аграрной истории особое место занимает коллективизация, изменившая социально-экономическое производство и социальную структуру деревни. При этом

ломка социальных отношений сопровождалась разрушением производительных сил и человеческих отношений, крахом идеалов социалистической деревни.

Исходя из сложившегося положения, процесс развития отечественной историографии по данной проблеме можно условно поделить на четыре этапа.

Первый (конец 1920-х – конец 1930 гг.) этап первичного осмысления. Одновременно с развертыванием форсированной коллективизации в СССР появились работы, в которых предпринимались попытки не только осветить, но и проанализировать ход и первые результаты «колхозного строительства»¹. В процессе исследования на первый план выводили вопросы организационно-экономического состояния коллективных хозяйств, социально-политические, а также идеологические аспекты коллективизации (роль ВКП(б), борьба с «кулачеством» и т.д.). В рамках первого периода можно выделить исследование И. Лаптева, который на основе обширной источниковой базы подвёл итоги сплошной коллективизации и впервые упомянул ленинско-сталинский кооперативный план².

На этом этапе в Адыгее благодаря развитию краеведческого движения были опубликованы работы, анализирующие различные аспекты аграрной политики советской власти в адыгейской деревне³. Цель данных публикаций заключалась не столько в беспристрастном осмыслении опыта функционирования немногочисленных коллективных хозяйств юга России, сколько в пропаганде идей кооперирования и коллективизации. С развертыванием сплошной коллективизации на первом плане оказались проблемы «колхозного строительства» и жизнедеятельности колхозов. В связи с этим процесс коллективизации нередко освещался на примере развития отдельных коллективных хозяйств, в позитивном ключе подчёркивалось преимущество крупных коллективных хозяйств над единоличными.

Второй этап (начало 1940-х – конец 1950-х гг.) – время накопления конкретно-исторических материалов по различным проблемам преобразований в советской деревне. Произошло заметное количественное и качественное изменение источниковой базы, обогатившейся новыми документами, архивными материалами и свидетельствами современников. Произошедшие в данное время в СССР общественно-политические процессы (десталинизация, «оттепель») привели к увеличению количества работ по теме коллективизации, углублению авторского анализа. Однако отмеченные положительные тенденции не могли проявиться более явно из-за ограниченности методологической базы и господства официальной идеологии⁴.

В исследованиях наряду с организационно-экономическими, социально-политическими, идеологическими аспектами коллективизации, понимаемыми как комплекс социалистических преобразований, были опубликованы первые историографические работы, посвящённые анализу процесса коллективизации. Однако, В.П. Данилов и

¹ Дьячков Б. Сельскохозяйственный кредит и сельскохозяйственная кооперация в СССР. М., 1927; Власов М. Кооперативный план Ленина и пути развития крестьянского хозяйства. М.-Л., 1928; Силаев С. Классовая борьба в деревне и хлебозаготовки. М., 1930; Никулихин Я. Борьба за рентабельность колхозов. М., 1934; Яковлев Я.А. Вопросы организации социалистического сельского хозяйства. М., 1935; Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1939 и др.

² Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1939. С. 84.

³ Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов-н/Д.-Краснодар, 1927; Ефимов А.Л. Типы хозяйства Северо-Кавказского края. Краснодар, 1928; Конюков Ц.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928; Кобрин Ю. На Адыгейских плавнях. М.-Л., 1931; Познорихин Ф.Л. Сельское хозяйство социалистической Адыгеи к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г. Майкоп, 1939.

⁴ Трапезников С.П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951; Генкина Э.Б. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1952; Краёв М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; Данилов В.П., Висенс Х. О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 137-145; Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 119–135.

В.И. Погудин отмечали, что в данных работах отсутствовал анализ социально-экономических укладов, роль классовой борьбы, состояние технической оснащённости первых колхозов.

В историографии появились первые диссертационные исследования, освещающие различные стороны аграрных преобразований, в том числе на материалах национальных областей¹. В научный оборот были введены материалы местных архивов, позволившие провести сравнительный анализ социально-экономического положения крестьянства до и после революции, более обстоятельно осветить характер борьбы за колхозы в отдельных регионах. Недостатком данных работ являлась идеологически-повествовательная модель изложения, отличавшаяся описательным характером, отсутствием критического анализа методов коллективизации и практически полным отказом от пересмотра прежних («сталинских») оценок.

Как справедливо отмечал В.П. Таран, сплошная коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе исследовалась неравномерно и освещалась в основном в русских районах, тогда как процесс коллективизации в Адыгее, Чечне, Дагестане был ещё не изучен². Действительно, в Адыгее, в силу разных причин, на этом этапе учёные конкретно не занимались изучением коллективизации сельского хозяйства. Это было связано с Великой Отечественной войной и восстановлением разрушенного хозяйства, а после окончания войны основные силы исследователей были направлены на организацию этнографических экспедиций в аулы и посёлки Адыгейской автономной области. Тем не менее, были опубликованы обобщающие работы, приуроченные к празднованию 25-летия Адыгейской автономной области, в которых пропагандировались достижения советской власти в аулах Адыгеи и подводились общие итоги сплошной коллективизации в области³.

Третий этап (начало 1960-х–конец 1980-х гг.) – произошло расширение проблематики: наряду с традиционными темами исследователи обратились и к социально-психологическим аспектам сплошной коллективизации. Качественные «прорывы» в осмыслении процесса коллективизации были предприняты группой историков-аграрников под руководством В.П. Данилова, которая фактически заложила на долгие годы основу историографии данной проблемы⁴.

Предметом исследования стали такие мало изученные проблемы как: хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг., становление совхозной системы, альтернативные версии коллективизации А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и др. На этом этапе

¹ Извекова А.К. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на Кубани: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Краснодар, 1948; Канцдалов П.З. Коллективизация сельского хозяйства на Тереке: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 1951; Измайлов П.П. Борьба партийных организаций Кубани за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. М., 1953; Краснов А.И. Проведение сплошной коллективизации в Кабардино-Балкарской Автономной ССР // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик, 1954. С. 56-102; Гугов Р.Х. Из истории борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства Кабардино-Балкарии в 1926-1929 гг. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 6. Ставрополь, 1957. С. 5–54.

² Таран В.П. Историография сплошной коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1966. С. 15.

³ Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономной Советской Адыгеи. 1922–1947. Майкоп, 1947; Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957.

⁴ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1966; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории. М., 1982; Никольский С.А. Власть и земля. Хроники утверждения бюрократии в деревне после Октября. М., 1990; Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 20-е гг. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 83–100.

появились первые публикации, рассматривающие социально–психологические изменения, произошедшие в сознании крестьянства в 1920–е гг.¹ Так И.Т. Левыкиным были изучены потребности и интересы колхозного крестьянства. Во многом новационным стало исследование О.И. Зотовой, Е.В. Шороховой и В.В. Новикова, посвящённое мифам, обрядам, слухам среди крестьян. Им удалось определить теоретические и методологические принципы изучения социальной психологии крестьян на «крутых поворотах» истории.

В эти годы в Адыгее был опубликован ряд работ, в основном посвящённых социалистическим преобразованиям в народном хозяйстве области². Состоялась первая защита диссертации Х.И. Тугуза «Социалистические преобразования в Адыгейском ауле (1920–май 1931 гг.)», о социалистических преобразованиях в деревне. Ключевое место автор отводит изучению роли партийных и советских органов в деле реконструкции сельского хозяйства. К достоинствам диссертации можно отнести введённый в научный оборот значительный массив центральных и региональных архивных источников. Тем не менее, представляется ошибочным его вывод о том, что уже в январе–феврале 1930 г. сплошная коллективизация в Адыгее была закончена³. Как свидетельствуют архивные материалы, к этому времени были объединены в колхозы менее 75% населения области, и в производственном отношении они представляли из себя простейшие формы кооперации. Важно заметить, что предпосылки, развитие кооперативных форм накануне коллективизации, и процесс раскулачивания также изучены недостаточно.

Попытки изучения изменений, произошедших в культурном облике крестьянства, предпринимали Ч.Ч. Кубов, Э.Л. Коджесау. Н.Ш. Потоков рассматривал социально–экономические предпосылки аграрных преобразований в деревне, в том числе и во время сплошной коллективизации. Количество опубликованных работ увеличилось, но в качественном отношении они во многом повторяли оценки коллективизации предыдущих этапов развития историографии, тем самым научное осмысление коллективизации и её результатов существенно не продвинулось.

Четвёртый этап (начало 1990–х г. по наши дни) – произошёл коренной пересмотр оценок сплошной коллективизации. Было опубликовано значительное количество работ, как негативно оценивающих сплошную коллективизацию, так и позитивно⁴.

¹ Левыкин И.Т. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орёл, 1970; Левыкин И.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьян. (Прошлое и настоящее). М., 1983.

² Тугуз Х.И. Социалистические преобразования в Адыгейском ауле (1920–май 1931 гг.): автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1965; Кубов Ч.Ч. Борьба областной партийной организации за осуществление сплошной коллективизации сельского хозяйства в Адыгее (1929–1931 гг.) // Сборник статей по истории Адыгеи (советский период). М., 1967. С. 21–43; Коджесау Э.Л. Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства Адыгеи (1926–1933 гг.) // Сборник статей по истории Адыгеи (Советский период). Майкоп, 1967. С. 98–129; Потоков Н.Ш. Из истории борьбы Адыгейской партийной организации за социалистическое преобразование народного хозяйства в годы первой пятилетки. М., 1967; Мекулов Д.Х. Роль Советов в хозяйственном и культурном строительстве Адыгеи (1922–1937 гг.) // Учёные записки. Т. XIII. История. Этнография. Майкоп, 1971. С. 3–49; Шафранов В.П. К вопросу о формировании Адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. Майкоп, 1976; Пономарёва Э.В. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Адыгеи (1920–1929 гг.) // Вопросы экономики Адыгеи. Под ред. А.П. Желудкова. М., 1982; Мекулов Д.Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве. Майкоп, 1989.

³ Тугуз Х.И. Указ. соч. С. 198.

⁴ Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник (1933–й–первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 35–57; Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930–х гг.). М., 1996; Данилов В.П. Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1998. № 6. С. 94–132; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; Данилов В.П. К проблеме альтернатив 20–х гг. // Этот противоречивый XX в. М., 2001; Шанин Т. Социально–экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Социс.

Большую популярность в научном сообществе приобрели «круглые столы» и симпозиумы, посвящённые дискуссионным вопросам развития исторической науки. Одной из центральных тем в изучении истории крестьянства стала коллективизация. «Локомотивами» нового направления в изучении коллективизации, поиска новых интерпретаций, стали работы В.П. Данилова и И.Е. Зеленина, Т. Шанина, освещавшие ранее закрытые аспекты коллективизации на основе рассекреченных и введенных в научный оборот документов.

В начале 1990-х гг., под руководством профессора Манчестерского университета Теодора Шанина складывается новое научное направление в изучении крестьянства – «Крестьяноведение», издаётся ежегодник¹, в котором впервые были опубликованы работы зарубежных исследователей коллективизации М. Малиа, Р. Редфилд, Дж. Скотт и др. Ими были предложены новые методологические подходы в изучении крестьянства и коллективизации, не потерявшие актуальности и в наши дни.

Во многом изменилась тематическая направленность работ российских историков. Так в центре внимания исследователя И.Е. Зеленина оказались такие дискуссионные вопросы как «был ли колхозный неонэп», трагические последствия «революции сверху», (так он определяет коллективизацию), взаимоотношение власти и крестьянства, (в частности «закон о пяти колосках» и последствия его осуществления). По мнению И.Е. Зеленина коллективизация, формы и методы её осуществления привели к известному страшному голоду 1932–1933 гг.

Доступ к ранее засекреченным архивным материалам позволил учёным обратиться к изучению социально-психологических последствий коллективизации². В работе И.Е. Козновой исследованы изменения исторической памяти крестьянства с момента революции 1917 г. и вплоть до распада СССР. Согласно позиции Д.В. Ольшанского крестьяне в целом приняли советскую пропаганду, направленную на формирование «нового человека» и построение колхозов. Н.А. Араловец и В.Б. Жиромская изучают демографические последствия коллективизации и голода.

В рамках журнала «Социс» в 1990-е гг. стало оформляться научное направление «Социология села». Такие авторы, как А.А. Хагуров, П.П. Великий, В.Г. Виноградский в своих исследованиях обратились к культурологическим последствиям коллективизации. В них вошли результаты полевых исследований в разных областях России. По воспоминаниям бывших колхозников воссоздана атмосфера сплошной коллективизации, раскулачивания, голода. По их мнению, именно насильственная коллективизация разрушила традиционную крестьянскую культуру, привела к «раскрестьяниванию» деревни, вызвала тоску и печаль у крестьянства по ушедшей эпохе.

«Архивная революция», произошедшая в начале 1990-х гг. вызвала всплеск исследований по коллективизации на региональном уровне³. В.В. Наухацкий в серии

2002. № 1. С. 30–40; Данилов В.П., Зеленин И.Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111.

¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / под ред. Т. Шанина. М., 1992; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Шанина Т., Никулина А., Данилова В.П., 2002.

² Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146; Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Ольшанский Д.В. Психология масс. Спб., 2002; Хагуров А.А. Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социс. 2009. № 2. С. 95–101; Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социс. 2012. № 1. С. 126–133; Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социс. 2015. № 12. С. 82–91.

³ Хуыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. (на материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов-н/Д., 1993; Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994; Емтыль Р.Х. Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского села (1920-е гг.). Майкоп, 1999; Хунагов А.С.

статей исследует Политотделы МТС Северо-Кавказского края. Автор отмечает необходимость преодоления одностороннего подхода в изучении политотделов советской историографией. «Советская литература была полна отдельными примерами антисоветской активности кулаков, но не содержала обобщающих сведений о сопротивлении крестьянства, формах крестьянского протеста. Привлечение новых архивных материалов позволяет восполнить указанный пробел»¹. Е.Н. Убушаев рассматривает роль Крестьянских комитетов обществ взаимопомощи в деле подъёма сельского хозяйства Калмыкии в период после окончания Гражданской войны. Он приходит к выводу что «основными направлениями деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в Калмыкии являлись оказание индивидуальной помощи, социальная взаимопомощь и правовая помощь»².

К.К. Хутыз, Н.Ф. Бугай, Д.Х. Мекулов на основе недоступных ранее источников исследовали взаимоотношение власти и общества, репрессивный характер советской власти в деревне, предпринимали попытку установить количество раскулаченных крестьян, в период коллективизации в Адыгее. В центре внимания Н.З. Шовгеновой, Р.Х. Емтыль оказалась повседневная жизнь села, первые простые формы кооперации, развитие культуры, особенности социалистической модернизации в Адыгее. А.С. Хунагов исследовал вопросы депортации народов юга России в 20–50-е гг.

Заметное влияние на развитие российской историографии оказала публикация работ западноевропейских и североамериканских авторов, переведённых на русский язык³. Эти исследователи характеризуют коллективизацию как «великий грабёж», «великую войну», «красный террор» государства по отношению к крестьянам. Доступ к ранее закрытым источникам, наличие междисциплинарного подхода в исследовании позволило им изучить социальную историю жизни российского крестьянства. Наряду с основными, базовыми проблемами в их работах изучаются мотивы поведения крестьянства и слухи, значительное место отводят и процессу раскулачивания в Северо-Кавказском крае. При этом заметно проявляется идеологизация при освещении ряда вопросов.

Во многом изменился характер диссертационных работ, посвящённых различным аспектам социалистических преобразований в северокавказской деревне⁴. Предметом

«Выселить без права возвращения». Депортация народов Юга России в 20–50-е гг. (на материалах Краснодарского и Ставропольского краёв). Майкоп, 1999; Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация, многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20–30-х гг. Ростов-н/Д., 2006; Шовгенова Н.З. Особенности государственной политики коллективизации в Адыгее // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. № 2. (30). Майкоп, 2008. С. 49–53; Гадицкая М.А. Женщины-колхозницы Юга России в 1930–е гг.: гендерный потенциал и менталитет. Ростов-н/Д., 2009; Шовгенова Н.З. Фрагментарная модернизация аграрного сектора экономики Адыгейской автономной области в конце 1920–30-х гг. // Сборник материалов научных статей Национального музея Республики Адыгея. Вып. 2. Майкоп, 2010. С. 214–222; Наухацкий В.В. Политотделы МТС: Некоторые проблемы историографии и методологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №4. С. 42–46; Убушаев Е.Н. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 29–32; Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на юге России. Новочеркасск, 2012.

¹ Наухацкий В.В. Политотделы МТС: Некоторые проблемы историографии и методологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 4. С. 332.

² Убушаев Е.Н. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 30.

³ Карр Э. История Советской России. М., 1990; Хоскинг Д. История Советского Союза 1917–1991. М., 1995; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. М., 2001; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е гг. Деревня. М., 2001.

⁴ Засорина Т.Д. Новая экономическая политика: Отношение населения Кубани (1921–1929 гг.): автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Майкоп, 2003; Некрасова И.И. Коллективизация в сельском

исследования Засориной Т.Д., Бурим С.М., Романько И.Е. стали социальная история крестьянства, особенности изменения мировоззрения в период проведения коллективизации, факторы адаптации крестьян к новым условиям жизни во времена НЭПа, общественные настроения крестьянства, причины волнений на Северном Кавказе в период коллективизации и т.д.

В целом, проведённый историографический анализ свидетельствует о том, что на всём протяжении изучаемого периода внимание исследователей привлекали проблемы, связанные с реконструкцией сельского хозяйства, становлением кооперации, с положением крестьянства в условиях аграрных преобразований, с механизмом государственного управления процессом коллективизации. Тем не менее, до сих пор недостаточно изучены теоретические положения и практические ошибки, допущенные в ходе коллективизации, слабо освещены особенности коллективизации в национальных регионах. Вне поля зрения исследователей осталась проблема ментальности.

Намеченная в диссертации проблема так и не стала предметом специального изучения, что позволяет ставить вопрос о своевременности и необходимости её комплексного изучения с учётом исследования новых источников и накопленного исследовательского опыта. Недостаточно изученными оказались проблемы отношения крестьянства к аграрной политике советского государства, социальная структура первых колхозов, судьба раскулаченных крестьян, социально-психологические последствия массовой коллективизации.

Объектом исследования является история аграрных преобразований в СССР в 20-е–начале 30-х гг. XX в.

Предмет исследования – исторический опыт коллективизации в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации.

Целью исследования является комплексный анализ исторического опыта коллективизации в Адыгее, определение общих тенденций и особенностей её реализации. Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- осмыслить и систематизировать теоретические концепции кооперации дореволюционных и советских учёных;
- на основе анализа новых источников и специальной литературы определить степень изученности проблемы;
- рассмотреть сущность ленинской теории кооперации и её развитие в официальных партийных документах;
- охарактеризовать влияние природно-географического фактора на развитие сельского хозяйства Адыгеи;
- осмыслить этнонациональные особенности населения Адыгеи и их влияние на социальную структуру и психологическое состояние общества;
- изучить опыт сельскохозяйственного кооперирования в области, выявить наиболее распространённые типы кооперации;
- исследовать период и характер перехода к политике сплошной коллективизации в Адыгее, выявить общие тенденции и особенности реализации;

хозяйстве Ставропольского края (конец 20-х – начало 30-х гг.): оценки и выводы. автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2004; Кознова И.Е. Историческая память Российского крестьянства в XX веке: автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра. ист. наук. Самара, 2005; Бейбулатов А.Ш. Кулацкий вопрос на Северном Кавказе: Эволюция и особенности решения. автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2006; Бурим С.М. Социальные отношения и общественные настроения на селе в годы первой пятилетки: состояние и тенденции развития (на материалах славянских районов Северо-Кавказского края): автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2006; Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20-х начале 40-х гг. XX века: на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. автореф. дис. на соиск. учён. степ. док. ист. наук. Новочеркасск, 2007; Романько И.Е. Крестьянские волнения на Северном Кавказе (1928–1930 гг.): Предпосылки и динамика развития: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2009.

- репрезентировать процесс раскулачивания и ликвидации кулачества как класса и его социальные последствия;

- оценить исторический опыт и особенности коллективизации в Адыгее, его результаты и последствия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1929 по 1931 гг. Нижняя граница—переход к сплошной коллективизации, а верхняя—завершение коллективизации в Адыгее. Учитывая необходимость определения состояния сельского хозяйства Адыгеи, степени готовности сельского населения к сплошной коллективизации, привлекается материал за границами намеченных рубежей.

Территориальные рамки диссертационной работы включают Адыгейскую автономную область, в которую в изучаемый период входили Красногвардейский, Псекупский и Шовгеновский районы¹.

Источниковая база. В процессе работы были привлечены документы и материалы, наиболее полно отражающие характер и особенности проведённой социально-экономической модернизации сельскохозяйственного производства в стране и в Адыгее. В работе использованы источники различной видовой принадлежности.

Первая группа источников представлена законодательными актами. Декреты СНК позволили осмыслить складывание государственной политики по отношению к крестьянству и выявить характер и уровень партийного руководства колхозным строительством в 1920-х—начале 1930-х гг.²

Вторая группа источников содержит документы Российской коммунистической партии (РКП (б) и ВКП (б))³. Материалы съездов, Пленумов ВКП(б), их резолюции, исходящие от центральных и местных партийных органов, позволили проанализировать направленность государственной политики ЦК ВКП(б) по отношению к крестьянству, уточнить взаимодействие центральных с региональными органами власти.

Третья группа — статьи, доклады и речи политических и государственных деятелей.⁴ Были проанализированы статьи, доклады и речи В.И. Ленина,

¹ В результате первого районирования в 1922 г. в Адыгейскую автономную область вошли Псекупский, Фарский, Ширванский округа; в 1924 г. Адыгейская автономная область была разделена на пять районов: Джиджихабльский, Натырбовский, Преображенский, Тахтамукайский, Хакуринохабльский; в 1929 г. вместо пяти районов было создано три: Красногвардейский, Псекупский, Шовгеновский.

² Декрет «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» // Документы Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 113-115; Декрет «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» // Документы Советской власти. Т.1. М., 1957. С.20-21; Декрет ВЦИК и СНК О сельскохозяйственной кооперации // Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921 г. М., 2009. С. 142-145.

³ XII Съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 г. // КПСС в резолюциях, решениях съездов и пленумов ЦК: в 15 т. Т. 3. 1922-1925. М., 1984. С. 50-129; Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) об очередных задачах в области работы среди работниц, крестьянок и трудящихся женщин Востока // Там же. Т.3.М.,1984. С. 309-321; Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о работе среди бедноты 24 мая 1926 г. // Там же. Т. 4. М., 1984. С. 24-27; Постановление ЦК ВКП(б) об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве 23 декабря 1929 г. // Там же. Т. 5. М., 1984. С. 68-71; Постановление ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству 5 января 1930 г. // Там же. Т. 5. М., 1984. С. 72-75; Постановление ЦК ВКП (б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении // Там же. Т. 5. М., 1984. С. 101-104; Пленум ЦК ВКП(б) 6-9апреля 1926 г. // Там же. Т. 4. М., 1984. С. 8-17; Резолюции и Постановления XV съезда ВКП(б) // XV съезд ЦК ВКП(б). Стенографический отчёт. М, 1928. С. 1303; Резолюция и Постановление XVI Конференции ВКП(б) // XVI Конференция ВКП(б). 23-29 апреля 1929 г. Стенографический отчёт. М, 1929. С. 303; Шестнадцатая конференция ВКП(б) 23-29 апреля 1929 г. // Там же. Т. 4. М., 1984. С. 448-502; Пленум ЦК ВКП(б) 10-17 ноября 1929 г. // Там же. Т. 5. М., 1984. С. 7-48; Резолюция пятой областной конференции ВКП(б) 27-31 мая 1930 г. Краснодар, 1931. С. 25.

⁴ Ленин В.И. Речь о кооперативах на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене // Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 19. М., 1962. С. 346-354; Ленин В.И. Черновой набросок проекта программы РКП(б) 8-18 марта // Там же. Т. 36. М., 1962. С. 70-76; Ленин В.И. Речь на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 // Там же. Т. 37. М., 1962. С. 207-233; Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. // Там же. Т. 37. М., 1962. С. 356-358; Ленин В.И. Речь на II Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства 25 декабря 1918 г. // Там же. Т. 37. М., 1962. С. 394-401; Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде по

И.В. Сталина, так и «оппозиционеров» А.И. Рыкова, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и др.

Четвёртая группа источников представлена делопроизводственными документами. В их составе приказы и распоряжения центральных и местных партийно-государственных органов, циркуляры, инструкции, переписка государственных органов власти, сводки ОГПУ¹.

внешкольному образованию 6-19 мая 1919 г. // Там же. Т. 38. М., 1962. С. 327-372; Ленин В.И. Речь на I всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 г. // Там же. Т. 39. М., 1962. С. 310-317; Ленин В.И. Речь на I съезде земледельческих коммун 4 декабря 1919 г. // Там же. Т. 39. М., 1962. С. 379-382; Ленин В.И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала Июнь-июль 1920 г. // Там же. Т. 41. М., 1962. С. 159-212; Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом 15 марта 1921 г. // Там же. Т. 43. М., 1962. С.57; Ленин В.И. О продовольственном налоге 26 мая 1921 г. // Там же. Т. 43. М., 1962. С. 299; Ленин В.И. Замечания к тезисам ВСНХ «О хозяйственной политике» 29 ноября 1921 г. // Там же. Т. 44. М., 1962. С. 477-481; Ленин В.И. О кооперации 4 января 1923 г. // Там же. Т. 45. М., 1962. С. 369-377; Сталин И.В. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства: Из выступлений в различных районах Сибири // Полное собрание сочинений в 16 т. Т. 11. М., 1946. С. 1-9; Сталин И.В. Первые итоги заготовительной компании и дальнейшей задачи партии: Ко всем организациям ВКП(б) // Там же. Т. 11. М., 1946. С. 10-19; Сталин И.В. О правом уклоне ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) // Там же. Т. 12. М., 1946. С. 1-107; Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников- марксистов 27 декабря 1929 г. // Там же. Т. 12. М., 1946. С. 141-172; Речь Председателя СНК СССР А.И. Рыкова // XIV Конференция РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1925. С. 81-95; Речь Члена ЦК ВКП(б) Г.Е. Зиновьева // Там же. М., 1926. С. 111; Речь Члена ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина // Там же. М., 1926. С. 139-148; Речь Народного Комиссара внешней и внутренней торговли СССР Л.Б. Каменева //XV Конференция ЦК ВКП(б). Стенографический отчёт. М., 1926. С. 484; Речь Л.Д. Троцкого // Там же. М., 1926. С. 486-521; Речь Председателя исполнительного комитета Коммунистического интернационала Н.И. Бухарина // Там же. М., 1926. С. 596-598; Из выступлений И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и В.М. Молотова на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 9-10 июля 1928 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1: Май 1927- ноябрь 1929. М., 1999. С. 324; Речь председателя Госплана СССР Г.М. Кржижановского // XV съезд ЦК ВКП(б). Стенографический отчёт. М., 1928. С. 56; Речь председателя СНК СССР А.И. Рыкова // Там же. М., 1928. С. 1039-1040; Речь члена Президиума ВЦИК В.М. Молотова // Там же. М., 1928. С. 1059-1080; Речь Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина // XVI Конференция ВКП(б) 23-29 апреля 1929 г. Стенографический отчёт. М., 1929. С. 134-139; Речь заведующего агитационно-пропагандистским отделом Нижегородского губернского обкома ВКП(б). В.В. Ломинадзе // Там же. М., 1929. С. 148-152; Речь первого секретаря Средне-Волжского областного комитета ВКП(б) М.М. Хатаевича // Там же. М., 1929. С. 161-164; Речь президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина Н.И. Вавилова // Там же. М., 1929. С. 164-166; Речь Секретаря Кубанского окружного комитета ВКП(б) Д.А. Булатова // Там же. М., 1929. С. 171-173; Речь члена редакционной коллегии газеты «Правда» Л.А. Шапкина // Там же. М., 1929. С. 194-197; Речь наркома земледелия РСФСР Н.А. Кубяк // Там же. М., 1929. С. 200-202; Речь кандидата в члены ВКП(б) Н.М. Анцеловича // Там же. М., 1929. С. 203-206; Речь председателя Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) М.Ф. Владимирского // Там же. М., 1929. С. 206-208.

¹ Из ежедневной сводки информационного отдела ГПУ о земледелии, сельском хозяйстве и ликвидации последствий голода // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923-1929. М., 2000. С. 58; Из земельных сводок информотдела ГПУ (Юго– Восточный край) // Там же. Т. 2. М., 2000. С. 70-71; Из информационной сводки № 5 с 30 января по 3 февраля 1927 г. // Там же. Т. 2. М., 2000. С. 502; Докладная записка зам. ПП ОГПУ по Уралу О.Я. Нодева заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде о ходе расселения прибывающих на Урал кулацких семейств и о выселении кулаков из Уральской области по состоянию на 28 февраля 1930 г. // Там же. Т. 3. М., 2003. С. 230-231; Из доклада КРО ОГПУ «Предварительные итоги оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в деревне с 1 января по 15 апреля 1930 г. // Там же. Т. 3. М., 2003. С. 312-313; Докладная записка «О внутриокружном переселении кулаков третьей категории» // Там же. Т. 3. М., 2003. С. 616; Докладная записка Информационного отдела ОГПУ о недочётах в колхозном строительстве на С. Кавказе по данным на 1 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929–декабрь 1930. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С.107–114; Циркуляр НКЮ РСФСР местным органам о мероприятиях по подавлению сопротивления «кулаков» 3 февраля 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: в 2 кн. Кн. 1. / под ред. Н.Н. Покровского. М., 2005. С. 59; Сводка № 37 ИНФО ПП ОГПУ по Уралу, направленная начальнику СОУ ОГПУ, с выдержками из писем высланных из Кубанской области 22 февраля 1930 г. // Там же. М., 2006. С. 887–888; Из протокола заседания Совнаркома СССР по вопросам связанным с проведением единого сельскохозяйственного

Пятая группа представлена материалами статистики. Этот вид источников позволил увидеть численный состав областной организации ВКП(б), структуру и размещение населения, а также характер развития хозяйств накануне и во время проведения сплошной коллективизации¹. Данный вид источников помог отследить динамику восстановления сельского хозяйства, выявить этапы коллективизации, социальный состав и имущественное положение первых колхозов Адыгеи.

К шестой группе относятся материалы периодической печати, позволяющие погрузиться в события давно «минувших дней», однако необходимо отметить официально-пропагандистский характер большинства периодических изданий 1920-х гг., что зачастую затрудняло процесс реконструкции прошлого². Большую ценность для нашего исследования оказало изучение таких рубрик газеты «Адыгейская жизнь», как «По аулам, селам и хуторам», «Партийная жизнь», «Профессиональная жизнь».

К седьмой группе относятся источники личного происхождения: воспоминания, письма и записки. Были изучены воспоминания партийных и государственных деятелей – участников коллективизации и крестьян³. Изучение воспоминаний партийных деятелей позволило выявить их личностное отношение к проводимой коллективизации, в том числе, через призму внутривластной борьбы в Политбюро в 1920–1930-е гг. Воспоминания крестьян позволяют реконструировать психологическую атмосферу тех лет, крестьяне отмечают внезапность начавшейся сплошной коллективизации, принудительность хлебозаготовок, несправедливость раскулачивания.

Особое место в работе занимают различные виды архивных материалов. Обширный фактический материал, отражающий процесс формирования, эволюции аграрной политики советского государства в деревне был выявлен в архивах: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)¹, Государственного архива Ростовской области (ГАРО)², Национальный архив Республики Адыгея (НАЦАРХИВ РА)³, Хранения документации новейшей истории Республики Адыгея (ХДНИ РА)⁴. При написании исследования были использованы 73 дела, извлечённые из 17 фондов.

Видовая принадлежность введённых в научный оборот архивных документов различна. Делопроизводственная документация центральных и региональных органов ЦК ВКП(б) хранится в фондах (РГАСПИ. Ф. 17, 65; 558; ГАРО. Ф. 1390, 1485; НАЦАРХИВ РА. Ф. 1). Документы и материалы по делам лишенцев, выявлению кулаков и их дальнейшей судьбе, письма и жалобы кулаков на несправедливое раскулачивание, и др.

налога в 1928-1929 гг. // «Тянут с мужика последние жилы...». Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.). Документы и материалы. М., 2007. С. 43; Письмо Союза союзов сельскохозяйственной кооперации, президиума Всесоюзного совета колхозов, правления Колхозцентра в Совнарком СССР о налоговых льготах для сельскохозяйственных коллективов // Там же. М., 2007. С. 51–52.

¹ Сведения ТО ОГПУ о вывозе раскулаченных с Северного Кавказа // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. Т. 2. ноябрь 1929–декабрь 1930 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. С. 305–307; Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессивных мероприятиях ОГПУ в СКК // Там же. Т. 2. М., 1999. С. 642; Северный Кавказ после районирования (итоги и выводы). Ростов-н/Д., 1925; Сельское хозяйство Адыгейско-Черкесской автономной области. Сборник. Краснодар, 1926; Список населённых пунктов Адыгейской автономной области по состоянию на 1-е января 1927 г. Краснодар, 1927; Конъюнктурный обзор народного хозяйства Адыгейской области за первое полугодие 1925–1926 гг. Краснодар, 1927; Адыгейская областная организация КПСС в цифрах: 1922–1987 гг. Майкоп, 1987 и др.

² «Адыгейская жизнь». 1927–1928 гг.

³ Андреев А.А. Воспоминания, письма. М., 1985; Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991; Каганович Л.М. Памятные записки Л.М. Кагановича. М., 1992; Воспоминания крестьян-толстовцев. М., 1989; Из записок старого казака-кубанца (по воспоминаниям Ивана Антоновича Проходы и архивным документам). М., 2003.

располагаются в (Ф. 1. Оп. 4(а)). Статистические материалы посвящённые становлению колхозной системы в Адыгее находятся в фондах (НАЦАРХИВ РА. Ф.5,111,153,459). Как источник личного происхождения представлены письма, жалобы крестьян Адыгеи, расположенные в фондах (НАЦАРХИВ РА. Ф. 19, 72, 81, 372, 599).

В материалах ЦК КПСС, хранящихся в (РГАСПИ. Ф. 17, 65), содержатся различные сведения официально-делового характера, направленные на подъём и реконструкцию сельского хозяйства страны. Изучение данных фондов позволило проследить развитие политики советской власти в советской деревне.

Личный фонд И.В. Сталина (Ф. 558) даёт представление о роли высших партийных органов советского государства в деле подготовки сплошной коллективизации, борьбе различных группировок в ЦК ВКП(б) по поводу претворения в жизнь ленинского кооперативного плана. Также фонд содержит письма очевидцев коллективизации, адресованные лично И.В. Сталину. В них остро критикуется как политика советской власти в деревне, так и отдельные её партийные функционеры.

В ГАРО содержатся документы Азово-Черноморского краевого земельного управления (Ф. 1390), и Кубано-Черноморского обкома ВКП(б) (Ф. 1485), позволяющие изучить аграрную политику краевого обкома в национальных областях, в том числе на материалах Адыгеи. Данные фонды содержат ценные материалы по землеустройству, арендным отношениям, национальной политике, в которых раскрывается специфика и сложности межселенных споров в адыгейской деревне.

Обширная делопроизводственная документация содержится в ХДНИ РА (Ф. 1). Документы Адыгейского областного обкома ЦК ВКП(б) являются наиболее информативным источником по реконструкции сельского хозяйства области. Именно областной обком ВКП(б) претворял в жизнь решения вышестоящих партийных органов, и вместе с сельскими советами реализовывал политику сплошной коллективизации области, но с учётом национальных особенностей региона.

К особо ценным документам относятся списки кулацких хозяйств, заявления кулаков-переселенцев, списки граждан, лишённых избирательных прав. Данные материалы проходят под грифом «Секретно» в фонде (Ф. 1. Оп. 4(а)). Информация в этих документах отличается наибольшей достоверностью. Изучение указанных материалов позволило выявить количество раскулаченных, их имущественное положение, места высылки, изменения в психологии раскулаченных крестьян.

Материалы, извлечённые из фонда Адыгейской областной плановой комиссии (Ф. 5) позволили исследовать специфику и особенности в организации первых колхозов, проследить динамику посевных площадей, наличие скота, проанализировать доходно-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Фонд Центрального Комитета КПСС. Оп. 67. Д. 465; Ф. 65. Юго-Восточное Бюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 24; Ф. 558. Личный фонд И.В. Сталина 1866–1986 гг. Оп. 11. Документы И.В. Сталина и присланные И.В. Сталину. Д. 38, 735, 746.

² ГАРО. Ф. 1390. Азово-Черноморское краевое земельное управление. 1920–1937 гг. Оп. 6. Д. 1292; Ф. 1485. Кубано-Черноморский областной комитет ВКП(б). 1924–1927 гг. Оп. 1. Д. 246.

³ НАЦАРХИВ РА. Ф. Р. 1. Заседание бюро Адыгейского областного исполнительного комитета ВКП(б). 1922–1992 гг. Оп. 1. Д. 6, 20, 24, 27, 39, 66,67, 209, 327, 328, 343, 412, 423,532,578. Оп. 4(а). Д. 122, 123, 127, 155, 156. Ф.Р. 5. Адыгейская областная плановая комиссия. 1922-1992 гг. Оп. 1. Д. 6, 20, 26, 27, 122, 184, 188. Ф. Р. 19. Адыгейская областная рабоче-крестьянская инспекция.1922–1934 гг. Оп. 1. Д.19, 20, 209, 211, 215, 223, 237, 253, 287, 297, 323, 335, 348. Ф.Р. 56. Копии приговоров граждан скрывающих хлеб в период сплошной коллективизации. Д. 29. Ф. Р.72. Майкопская районная рабоче-крестьянская инспекция. 1924–1931 гг. Оп. 1. Д. 624. Ф. Р. 81. Адыгейский областной союз сельскохозяйственных кооперативов. 1928–1933 гг. Оп.1. Д.3,23. Ф. Р.111. Годовой отчёт за 1930 г. сельскохозяйственной артели «Путь Ленина». 1929-1936 гг. Оп.1. Д.7,14.Ф. Р. 372. Личные дела раскулаченных. 1929–1930 гг. Оп. 1(а). Д. 9, 18. Ф. Р. 459. Адыгейский областной комитет крестьянских обществ взаимопомощи.1923–1930 гг. Оп. 1. Д. 90. Ф. Р. 599. Майкопская Окружная рабоче-крестьянская инспекция. 1924–1931 гг. Оп. 1. Д. 169.

⁴ ХДНИ РА. Ф. П. 1. Протоколы заседаний Адыгейского обкома ВКП(б). 1922–1953 гг. Оп. 1. Д. 10, 20, 126, 167(а), 196, 199, 203, 205, 209, 210, 219, 237, 244, 328, 541. Ф. П. 4. Красногвардейский районный комитет ВКП(б). 1929–1953 гг. Оп. 1. Д. 39.

расходные балансы колхозов и совхозов и систему найма рабочей силы в период посевной и уборочной кампании.

В фондах (Ф. 111, 153, 459) находится информация, касающаяся становления первых колхозов. Исследование данных фондов помогло изучить социальный состав первых колхозов, их имущественное положение, непростые взаимоотношения между членами объединений и представителями власти, протоколы колхозных собраний.

Письма крестьян, направленные в высшие надзорные органы Адыгеи, располагаются в фондах (Ф. 19, 72, 81, 372, 599). Как утверждает А.Я. Лившин: «Письма крестьян дают обширнейший материал для анализа всего комплекса настроений сельских жителей»¹. В данных документах можно выявить типичные жалобы крестьян, определить социальное и имущественное положение, проследить судьбу крестьян, обратившихся с жалобой.

Проведённый анализ источников по проблемам коллективизации даёт представление об их видовом разнообразии и информативной отдаче. Комплекс привлечённых источников, в том числе и архивных, позволил реализовать поставленную в диссертационной работе цель, создать специальное исследование, отразившее сложный процесс коллективизации в Адыгее, его этапы, особенности и последствия.

Методологическая основа диссертационной работы формировалась на основе принятых в современной исторической науке принципов и методов. основополагающими стали принципы объективности, историзма, альтернативности.

Принцип объективности предполагает опору на факты в их истинном содержании, не искажённые и не подогнанные под заранее намеченную схему. Он позволяет изучить процессы коллективизации непредвзято, всесторонне, объективно, помогает увидеть эволюцию подходов в разработке программы проведения сплошной коллективизации.

Принцип историзма потребовал рассмотрения всех исторических фактов, явлений и событий в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Данный принцип позволил увидеть те явления, которые произошли в крестьянстве на всём протяжении 1920-х гг. с учётом внутренних и внешних событий, происходивших в Северо-Кавказском регионе и в стране в целом.

Принцип альтернативности определяет степень вероятности осуществления того или иного события, явления, процесса на основе анализа объективных реальностей и возможностей. С помощью этого принципа удалось определить альтернативные проекты проведения коллективизации, характер дискуссии по этой проблеме, вскрыть причины невозможности их реализации.

При написании диссертации использовались и такие конкретные методы, как проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-системный, статистический.

Проблемно–хронологический метод предполагает анализ исторического материала в хронологической последовательности, но в рамках выделенных проблемных блоков. С его помощью был изучен исходный уровень разработки темы, выявлены основные этапы развития кооперативной мысли в границах изучаемого периода.

Историко–сравнительный метод позволяет исследовать факты как в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они возникли и действуют, так и в качественном изменении на различных этапах развития. Использование данного метода дало возможность сравнить развитие теории кооперации в трудах российских ученых XIX в. с трудами мыслителей первой четверти XX в. Он позволил выявить присущие им как общие черты и принципиальные различия, а также осуществить сравнительный анализ хозяйственных представлений крестьянства накануне и во время проведения сплошной

¹ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. М., 2010. С. 21.

коллективизации, выявить эволюцию представлений крестьян о колхозной жизни и их видение прошлой и настоящей жизни.

Историко–системный метод предполагает изучение событий, явлений, процессов не только причинно-обусловленных, но и функционально связанных. Применение историко-системного метода позволяет раскрыть как единство изучаемого объекта, так и внутренний механизм функционирования и развития отдельных его элементов. Данный подход был реализован с точки зрения целостного охвата экономической, социальной, культурной, психологической и духовной жизни крестьянства и его приспособления к меняющимся условиям жизни под воздействием начавшейся коллективизации.

Статистический метод применяется для установления количественной зависимости между изучаемыми явлениями. Он позволил увидеть количественные и качественные характеристики различных хозяйственных укладов крестьянства в зависимости от географии расселения, степени вовлечённости в экономическую, культурную и общественную жизнь Адыгеи.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

1. Впервые в исследовательской практике в Адыгее на основе современных теоретико-методологических подходов был осуществлён комплексный анализ процесса коллективизации и раскулачивания;

2. В соответствии с этапами развития исторического знания по исследуемой проблеме критически осмыслены и систематизированы теоретические концепции кооперации дореволюционных и советских учёных;

3. Впервые в научный оборот введён комплекс источников, ранее засекреченных и расположенных в фондах Национального архива Республики Адыгея (Ф. Р. 1. Д. 122, 123, 127, 155, 156; Ф. Р. 1. Оп. 4(а). 122, 155, 156; Ф. Р. 19. Д. 19; Ф. Р. 72. Д. 625; Ф. Р. 81. Д. 3, 23; Ф. Р. 111. Д. 14; Р. 372. Д. 9, 18);

4. Установлено количество раскулаченных из Адыгеи, определены места их расселения, (в отдалённые районы Западной Сибири, Урала и Ставрополя);

5. Сделан вывод о том, что большинство крестьянских волнений были вызваны насильственными мерами правительства по формированию колхозов и репрессивными методами к сомневающейся части крестьянства Северо-Кавказского края, в том числе и Адыгеи;

6. Определены особенности крестьянского протеста аграрной реформе в национальном регионе, обусловленные этнонациональным укладом хозяйствования горцев, спецификой сложившихся обычаев и традиций;

7. Впервые при изучении особенностей коллективизации в Адыгее анализируются социально-психологические изменения в сознании крестьянства, приводятся данные о слухах, распространяемых на территории Адыгеи, даётся определение этого явления и его влияние на развитие и характер протестного движения в регионе.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что её материалы могут использоваться при разработке специальных курсов, посвящённых аграрным отношениям, а также учебных курсов по краеведению.

Основные положения выносимые на защиту:

1. Современное состояние исторического знания о коллективизации отражает сложившийся опыт изучения традиционных проблем: социально-экономических, демографических, культурных. При этом явно недостаточно внимания уделяется крестьянской ментальности, вопросу соотношения исторической реальности и индивидуального отношения субъектов, участвовавших в данном процессе.

2. Изучение опыта осуществления коллективизации в Адыгее свидетельствует, что многие ошибки и трудности происходили из-за недостаточного учёта специфических условий, формального переноса форм и методов, применяемых в центральных регионах

России (насилованный характер, игнорирование этнонациональных особенностей региона, нарушение принципа добровольности и т.д.).

3. Процесс коллективизации в Адыгее, формы и методы её реализации во многом были обусловлены грамотно проведённым районированием, землеустроительными работами, урегулированием арендных отношений, позитивным опытом кооперирования крестьянских хозяйств.

4. Не только по уровню материально-технической базы, но и по ментальности крестьянства, отражавшего полиэтничный состав населения, Адыгея не была готова к реализации такого широкомасштабного акта, как всеобщая коллективизация, тем не менее, благодаря административному ресурсу удалось завершить коллективизацию к весне 1931 г., в числе первых на Северном Кавказе.

5. Коллективизация в Адыгее, несмотря на то, что осуществлялась по общему для страны плану, заметно усложнялась уровнем социально-экономического развития региона (преобладание мелкотоварного производства, носившего в основном потребительский характер, экстенсивный характер сельского хозяйства, общинное землепользование, недостаточные темпы коренизации).

6. Статистика негативных проявлений на селе непосредственно отражала динамику коллективизации: если перед её началом возмущение у крестьян в Адыгее вызывали в основном хлебозаготовительные кампании, то в ходе коллективизации реакция крестьянства зависела от темпов, форм и методов создания колхозов.

7. Насильственные методы проведения коллективизации и массовое раскулачивание вызывали протест крестьянского населения, требовавшего справедливости и позитивных изменений, но при этом в Адыгее не было открытых вооруженных выступлений, что можно объяснить этническими особенностями региона: почтительное отношение к старшим, следование неписанным правилам (адыгэ хабзэ), уважение и подчинение старшему по рангу и т.д.

8. Изученные факты о раскулачивании в Адыгее свидетельствуют, что политика ликвидации кулачества как класса, не имела широкой поддержки у крестьян, так как приводила к нарушению традиционно существовавшей взаимопомощи в крестьянской среде. При этом основная масса крестьян была раскулачена не только по имущественному, но и по социальному признаку.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальностей ВАК РФ. Соответствует паспорту специальностей ВАК РФ. 07.00.02 - Отечественная история: п. 3 Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития; п. 21 История экономического развития России, её регионов.

Апробация исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 12 научных публикациях, из которых 5 статей – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Результаты диссертационного исследования получили апробацию на научных конференциях: «Наука. Образование. Молодежь» (5-6 февраля 2009 г., г. Майкоп), «Наука–2009» (октябрь 2009 г., г. Майкоп), «Наука–2010» (октябрь 2010 г., г. Майкоп), «Город и деревня в процессе модернизации» (апрель 2011 г., г. Тула), «Историческая психология в XXI в.» (15 марта 2012 г., г. Ишим), «Кубанские исторические чтения» (20 июня 2012 г., г. Краснодар).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень изученности проблемы, определяются объект и предмет исследования, территориальные границы и хронологические рамки, формулируются цель и задачи исследования, анализируется источниковая база, излагаются методологические принципы, раскрывается научная новизна, представлены апробация и структура диссертации, её практическая значимость, формулируются основные положения выносимые на защиту.

В первой главе **«Теоретические идеи аграрных преобразований и их влияние на процесс коллективизации в Адыгее»** исследуются теоретико-методологические проблемы, дающие обобщённое представление об уровне, направленности, проблематике изучения кооперации отечественными мыслителями XIX – первой четверти XX вв.

Первый параграф **«Развитие теории кооперации в трудах российских исследователей XIX–начала XX вв.»** посвящён анализу зарождения кооперативной мысли в России. В данном параграфе анализируются идеи о кооперации, разработанные русскими общественными деятелями и экономистами.

Теорию кооперативного социализма развивали А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. А.И. Герцен считал, что общинная форма владения землей постепенно под воздействием науки и культуры эволюционирует в кооперативную, где каждый член общины сможет максимально раскрыть свой внутренний потенциал, но для этого, по его мнению, необходима конкуренция. Н.Г. Чернышевский, в целом поддерживая воззрения А.И. Герцена по поводу эволюции общины в кооперацию, расходился с ним в вопросе практической организации кооператива. Будучи учеником Р. Оуэна и Ш. Фурье, Н.Г. Чернышевский полагал, что государство должно помочь в деле открытия кооператива. Он рассматривал кооператив как крупное хозяйство (1500-2000 членов), выбирающее свои органы управления, и при этом считал вступление и выход из кооператива делом добровольным. В разделении труда в кооперативе он видел одно из главных условий его существования.

Крупный государственный деятель Ф.Г. Тёрнер разделял понятия общины и кооперации. Он полагал, что до тех, пор пока община не распадётся на множество мелких собственников, в ней не сможет произойти переход к кооперативному хозяйствованию. Ф.Г. Тёрнер поставил проблему «община-кооперация» на более высокую ступень понимания. Г.В. Плеханов, исследуя развитие кооперации в сельскохозяйственном производстве, приходит к выводу о том, что только развитие научно-технического прогресса сможет вывести кооперацию в России на новый уровень. При этом он отмечал, что переход к коллективной обработке земли должен происходить постепенно, так как крестьянская психология ещё не созрела для такой масштабной ломки. М.И. Туган-Барановский, первым среди указанных мыслителей, ввёл вопрос о кооперации в русло теоретического исследования. Опираясь на большой статистический материал, он выделил девять основных видов кооперации: кредитные, потребительские, домостроительные, закупочные, по сбыту, по переработке, производительно-подсобные, трудовые и производительные. Данные кооперативы он расположил по порядку возрастающей сложности их функции. Наиболее сложным видом кооператива, согласно его концепции, является производительная артель, так как она является кооперативом и по покупке, и по производству, и по сбыту.

Русские мыслители XIX в. заложили теоретическую основу для дальнейших исследований идеи о кооперации и для практической реализации их во второй четверти XX в.

Во втором параграфе **«Ленинская теория кооперации и её развитие в официальных документах и работах экономистов в 1920-е гг.»** рассматривается становление идей В.И. Ленина о кооперации с конца XIX – до первой четверти XX в. и их развитие в официальных документах ЦК ВКП(б) и работах экономистов.

Проведённый анализ работ В.И. Ленина позволил выявить несколько важных тезисов, на которых базировалась ленинская теория кооперации. Первый тезис – это добровольность вступления в кооператив, к которому В.И. Ленин пришёл не сразу, а лишь под воздействием революционных процессов 1917 г. в городе и деревне. Второй – постепенность перехода к коллективным формам хозяйствования. Третий – обеспечение кооперативов достаточным количеством сельскохозяйственной техники, прежде всего тракторами. Четвёртый – ликвидация культурной отсталости в деревне, борьба с безграмотностью и т.д. Важным условием социалистической перестройки деревни В.И. Ленин считал создание тяжелой индустрии и высоко развитого машиностроения, которое могло бы позволить Советскому государству решить задачу вооружения сельского хозяйства современной сельскохозяйственной техникой, создать материально-техническую базу для коллективизации крестьянских хозяйств.

Идеи В.И. Ленина о кооперации также обсуждались на съездах, пленумах и конференциях ЦК ВКП(б). Дискуссионными стали положения о допуске кулачества в кооперацию, об отношении к середняку, необходимости контрактации, возможности взаимодействия двух укладов в деревне: единоличного хозяйства и крупного коллективного и т.д. Из анализа документов ЦК ВКП(б) можно утверждать, что последовательными проводниками ленинской теории кооперации были А.И. Рыков и Н.И. Бухарин, но развернувшаяся борьба за власть в середине 1920-х гг. перечеркнула их планы по реализации аграрной политики.

Советские экономисты-аграрники А.В. Чаянов и Н.Д. Кондратьев считали, что в России кооперация находится ещё в начальной стадии своего развития. А.В. Чаянов, в частности, предполагал, что власти необходимо всячески помогать развитию кооперации посредством облегчённого налогообложения, дешевого кредита и других мер. Он не разделял точку зрения аграрников-марксистов о том, что крестьянство является последним капиталистическим классом. По его мнению, крестьянское хозяйство являлось самодовлеющей силой, способной благодаря кооперации достичь не только материального благосостояния, но и повысить нравственный и культурный облик всего крестьянства. Критикуя ленинское понимание о кооперативе, как единой унифицированной системы, Н.Д. Кондратьев делал вывод, что кооперация в классическом понимании является более сложной системой, чем представляли её марксисты. Он был противником усиленного налогообложения деревни и выступал за доступность кредита всем слоям крестьянского населения.

Всё вышеуказанное и анализ материалов съездов и конференций ЦК ВКП(б) позволяет увидеть основные расхождения между ближайшими сторонниками В.И. Ленина и их оппонентами, и сделать вывод, что ленинский кооперативный план был реализуемым путём перехода индивидуальных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли. Основные споры разгорались по методам, темпам, срокам проведения сплошной коллективизации. Ключевым был и вопрос взаимоотношения власти и крестьянского социума.

Таким образом, ленинская теория кооперации, вобравшая в себя лучшие достижения кооперативной мысли учёных и мыслителей XIX – начала XX вв., стала основой для проведения сплошной коллективизации в СССР. Данные идеи должны были реализоваться и в Адыгее, но с учётом её социально-экономической, этно-национальной и других особенностей региона. Однако захват власти И.В. Сталиным predetermined проведение ускоренной сплошной коллективизации, несмотря на отсутствие на то объективных предпосылок.

Вторая глава **«Объективные условия коллективизации в Адыгее»** посвящена анализу сельскохозяйственного производства Адыгеи накануне сплошной коллективизации, выявлению общих тенденции и особенностей функционирования аграрной сферы Адыгеи в 1920-е гг.

В первом параграфе «Влияние природно-географического фактора на характер и основные направления сельскохозяйственного производства» анализируется сдерживающее влияние природно-географического фактора на развитие сельскохозяйственного производства Адыгеи, предопределяя его экстенсивный характер.

В Адыгее сельскохозяйственное производство велось традиционно только в низменной и предгорной частях. Большие различия также существовали в качестве почв: плавневые, луговые, лугово-болотные и слитые чернозёмы находились на западе. В предгорьях имелись высокогорные луга и пастбища, в центральной части почти не было природных кормовых угодий, а на западе были распространены большие площади заросших кустарником и заболоченных малопродуктивных земель. Около 75% почв Адыгеи относилось к категории лесных (тёмно- и светло-серые, подзолистые, перегнойные, карбонатные, серо-каштановые); на остальной северной части площади преобладали слитные чернозёмы. В высокогорной части встречались каменистые, известковые, глинистые и сланцевые почвы¹.

По количеству неудобной земли среди национальных автономий Северо-Кавказского края, Адыгея занимала первое место. В процентном соотношении от общего количества пашни она составляло 24,5%, в то время, как соседняя Карачаево-Черкесская область имела 22,1% неудобной земли, Северная Осетия – 20%, Кабардино-Балкария – 19%. Обеспеченность землёй в Адыгее по сравнению с другими автономными областями была также одной из крайне низких и составляла всего 1,5 га на одного едока². Безусловно, нехватка земли мешала наращивать сельскохозяйственное производство.

Проведённое исследование свидетельствует, что преобладающей формой землепользования являлось общинное. В 1920-е гг. данный тип землепользования в Адыгее переживал кризис, так как всё большее количество крестьян стремились выйти из общины и вести своё хозяйство индивидуально. На этой почве частыми становились конфликты между крестьянами. Институт собственников был распространён в основном в районах компактного проживания русского населения и составлял по области 30%.

Наиболее распространённой системой землепользования в Адыгее была чересполосно-пайковая и превалировала как в адыгейских аулах, так и в русских сёлах и составляла по области 86%. Во многом это мотивировалось качеством почвы и расстоянием до усадьбы. Клиновая система землепользования в основном преобладала в Хакуринохабльском и Джиджихабльском районах и объяснялась их зерновой специализацией. Хуторская система землепользования складывалась в результате переселенческой политики царизма в XIX в. и в 20-х гг. в адыгейских аулах не получила большого распространения.

Для адыгов земельный вопрос был традиционно жизненно важным. Адыгские крестьяне были лишены земли дважды – сначала в период Кавказской войны в связи с заселением земель, освобождённых высланными крестьянами. Оставшиеся адыгские крестьяне были наделены по проекту Н.И. Евдокимова во второй половине XIX в. минимумом земли, а именно 4 га, в то время, как казаков наделяли 20 га земли. Второй раз адыгские крестьяне лишались надельной земли в период коллективизации, что воспринималось болезненно, вызывало растерянность, недоверие к колхозам и общественному ведению хозяйства.

Активная переселенческая политика советской власти в 1920-е гг., когда на Северный Кавказ прибывало большое количество крестьян, вызывала межселенные споры. В адыгейской деревне напряжённые отношения складывались на почве наделения землёй между инородцами и местными крестьянами. Наибольшую остроту они приобрели с середины 1920-х гг. В частности наибольшие осложнения существовали между крестьянами аулов Блечепсин – село Натырбово, аул Хатажукай – хутор Хапачево, аул

¹ Хут М.С. Размещение и специализация сельского хозяйства Адыгеи. Краснодар, 1965. С. 24.

² Северный Кавказ после районирования (Итоги и выводы). Ростов-н/Д., 1926. С. 390-391.

Хакуринохабль–хутор Чернышевский¹. Выход виделся в проведении землеустроительных работ.

В целях повышения урожайности и ликвидации межселенных споров в Адыгее было проведено землеустройство. Землеустроительные работы проводились в два этапа: 1922–1927 гг. и 1927–1931 гг. На первом этапе проводилось межселенное землеустройство в целях наилучшего распределения пахотной земли. На втором этапе – с целью наибольшего вовлечения крестьян в кооперацию и наделения землей иногородних крестьян.

Значительно распространённым явлением социально-экономической жизни адыгейской деревни в то время являлись арендные отношения. К ним в основном прибегали маломощные крестьяне-бедняки и середняки. Аренда являлась для них возможностью дополнительного заработка. Следует отметить, что арендные отношения в Адыгее носили противоречивый характер. С одной стороны в результате аренды в оборот вводились пустующие земли. С другой – увеличивалась эксплуатация бедноты зажиточными слоями деревни.

В целом, проведённый анализ позволил установить, что природно-географические условия региона не способствовали интенсивному ведению сельскохозяйственного производства, скорее сдерживали его, направляя по экстенсивному пути развития.

Во втором параграфе «Этнонациональные особенности Адыгеи и их влияние на изменение социальной структуры и психологического состояния общества» исследуется период становления Адыгейской автономной области, половозрастная и социальная структура общества, культурные достижения области прежде всего в образовании, изменение крестьянской психологии под воздействием аграрных преобразований.

Образование Адыгейской Автономной Области 27 июля 1922 г. позволило большевистскому руководству провести необходимую модернизацию всех сторон культурной и социально-экономической жизни Адыгеи. Этнонациональное своеобразие Адыгеи выражалось в наличии двух крупных этнических групп: адыгейского населения и русского. Отмечается, что основные преобразования проводились в адыгейском ауле, так как необходимо было вовлечь в социалистическое производство значительное количество лиц коренной национальности. В этой связи был исследован ряд декретов, направленных на вовлечение широких масс трудящихся в социалистическое строительство, на раскрепощение женщин-горянок и на ликвидацию неграмотности населения, особенно горского.

Как свидетельствуют архивные данные, в Адыгее практически не было межэтнических столкновений. Поселенная перепись 1926 г., проведенная на территории Адыгейской автономной области, свидетельствовала о большом межэтническом взаимодействии между русскими (великороссами), адыгами и украинцами. Именно эти национальности преобладали на территории Адыгеи в указанное время, хотя в небольшом количестве проживали армяне, греки, татары и другие народы. Практически все 48 сельских советов, имевшихся на территории Адыгеи в 1926 г., были интернациональными. В каждом крупном ауле, как свидетельствует перепись, проживало как русское, так и украинское население. Также в русских поселениях жили и адыги². Крупными населёнными пунктами в Адыгее являлись аулы: Кошехабль, Ходзь, Джамбечи, Хатукай, села: Белое, Еленовское, Николаевское, Преображенское и др.

Социальная структура адыгейского общества в 1920-е гг. складывалась и развивалась под влиянием политического курса, нацеленного на строительство социализма с учётом специфики национальных образований³. Перепись населения 1926 г. показала смешанный характер населения области, где адыги составляли 44%,

¹ НАЦАРХИВ РА Ф. Р. 1. Оп.1. Д. 423. Л. 35.

² Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-н/Д., 1926. С. 391-392.

³ Клыбик Е.Н. Материалы статистических исследований как источник по истории Адыгеи (20–30-х гг.): автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Майкоп, 2008. С. 28.

русские 25%, украинцы 22%. Нередкими были межэтнические браки, институт мирской взаимопомощи.

На социальную структуру общества большое влияние оказывала половозрастная структура населения. По данным переписи 1926 г., в аулах сосредоточивалось свыше 50% всего населения области. В составе населения аулов во всех районах (за исключением Понежукаевского, где женщин было 5714 человек, а мужчин 5614), наблюдалось некоторое численное преобладание мужского населения над женским¹.

В русских хуторах и посёлках ситуация была противоположной. Здесь преобладало женское население. Наиболее характерный пример преобладания женского населения над мужским был в Натырбовском районе, где из 3107 человек 2843 были женщины. Но с течением времени в Адыгее численное соотношение мужчин и женщин выравнивалось.

В национальных районах Северного Кавказа, в том числе и в Адыгее, ключевой задачей правящая партия считала вовлечение женщин в общественно-производственную жизнь. Как известно, в первые годы советской власти адыгейские женщины фактически не пользовались предоставляемыми им правами. Сказывалось влияние мусульманского духовенства и старших членов семьи, поэтому был разработан целый ряд мероприятий по решению этой проблемы, благодаря которым женщины становились членами различных производственных объединений: коммун, артелей, ТОЗов, ККОВов. Застрельщиками в процесс вовлечения женщин в общественное производство в Адыгее стали ККОВы. Женщин нередко выбирали в председатели коллективных объединений, в члены совета. Именно в них происходил процесс постепенной трансформации женской психологии.

Первостепенное значение на Северном Кавказе и в Адыгее было повышение доли промышленных рабочих, как проводников политики партии в городе и деревне, особенно среди горского населения. В 1928 г. в Адыгее действовало 9 предприятий ценовой промышленности, на которых работало 280 рабочих². Вплоть до середины 1920-х гг. в адыгейских аулах власть находилась фактически в руках кулаков и мулл. Коммунистические ячейки были малочисленны, поведение советских работников не всегда находило поддержку у адыгейских крестьян. Тем не менее пропагандистские кампании «Лицом к деревне», «Бой пережиткам родового строя» в 1920–х гг. требовали увеличения числа коммунистов в партийных организациях Адыгеи.

Поэтому партийные органы Адыгеи ставили задачу вовлечения лиц коренной национальности в коммунистическую партию. По мере развития государственности в Адыгее с 1925 по 1930 г. партийная организация Адыгеи выросла с 644 до 1775³. На 1 января 1929 г. ее социальный состав был представлен следующим образом: рабочих было 90 человек (7,4%), батраков – 218 (17,9%), занятых в своём индивидуальном хозяйстве – 338 (27,8%), в коллективном – 66 (5,4%), служащих – 287 (23,6%)⁴; женщин – 194 человека (15,9%), членов ВКП(б) – 96 человек (13,5%). Как видно, в партийных организациях Адыгеи преобладали выходцы из крестьян, тогда как рабочие и служащие были представлены недостаточно.

В социальной структуре адыгейского общества новым классом явились лица, лишённые избирательных прав. Советская власть лишая человека права голоса, оказывала на него психологическое давление. Массовый характер в Адыгее она приобрела с середины 1920-х гг., когда лишению избирательных прав подверглись бывшие помещики, князья, служители религиозного культа. Авторитет данных граждан в сельском обществе был высок, поэтому нередко были случаи лишения избирательных прав не только глав семейств, но и всех членов семьи. Только лишь по одному

¹ Список населённых пунктов Адыгейской автономной области по состоянию на 1-е января 1927 г. Краснодар, 1927. С. 14.

² История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917–1991 гг.). Майкоп, 1991. С. 43.

³ Адыгейская областная организация КПСС в цифрах: 1922–1987 гг. Майкоп, 1987. С. 26.

⁴ Северо-Кавказская красная организация ВКП(б) в цифрах. Ростов-н/Д., 1929. С. 12–13.

Псекупскому району в конце 1920-х гг. были лишены избирательных прав 161 человек¹.

В традиционном сельском адыгейском обществе на протяжении 20-х гг. происходило столкновение между коллективистским традиционным началом и новой индивидуалистической культурой пропагандируемой советской властью. Как известно базовыми этнокультурными ценностями адыгов были: адыгагъэ (адыгская этика), адатное (обычное) право и неписанный свод правил «адыгэ хабзэ».

Поэтому одной из ключевых задач Адыгейской областной партийной организации стала работа по вовлечению адыгейцев в народнохозяйственную жизнь области – коренизация. Необходимо отметить, что к началу сплошной коллективизации во многих аульских советах председатели были неграмотными, что затрудняло проведение социалистических преобразований. В переделке адыгейской психологии на новый лад мешали традиционные адыгские институты: религия, обычаи, традиции.

В ходе исследования было установлено, что процент лиц коренной национальности в таких важных органах власти как Наркомат земледелия, сельские советы, Прокуратура, ОГПУ был невелик, что создавало препятствия при проведении реформ на местах². Учитывая традиционный уклад жизни адыгского населения, неподверженность миграционным процессам, на сокращение адыгского населения по переписи 1939 г. повлияли социальные преобразования советского государства. Процессы коллективизации, индустриализации и голод 1932–1933 гг. привели к сокращению адыгейского населения области почти в два раза³.

С целью приобщения крестьян к культурной и общественной жизни власть активно издавала газеты и журналы, в том числе и на адыгейском языке. Газеты должны были формировать общественное мнение крестьян, направленное на пропаганду общественных форм хозяйствования. В Адыгее выходили такие газеты как: «Голос адыга», «Адыгейская жизнь», «Серп и Молот», «Колхозное знамя» и др. Они явились тем орудием власти, которые постепенно внедрялись в сознание трудящихся о необходимости коллективных форм хозяйствования. Проводниками этих идей были сельские корреспонденты, которые отмечали у крестьян состояние тревоги по поводу будущей жизни в колхозе и организации в них труда колхозников.

На первых этапах внедрения в крестьянскую психологию коллективных форм труда работа шла с большими трудностями, во многом она носила идеологический характер. Большевики в целях скорейшего вовлечения в колхозы как можно большего количества крестьян пытались влиять на крестьянскую память. Именно крестьянская память стала тем индикатором, отделявшим «проклятое царское прошлое» от будущей светлой жизни.

Таким образом, большевистская модернизация, имевшая своей целью унификацию способов производства в адыгейской деревне, затрагивала практически все стороны жизни адыгейского крестьянства. Социальная структура адыгейского общества в 1920-е гг. носила ярко выраженный сельский характер. Большинство населения в области проживало в аулах и селах. Тем не менее намечилось некоторое увеличение доли городских жителей. В профессиональном составе преобладали крестьяне единоличники, рабочий класс был незначителен и только начал формироваться. Партийные органы Адыгеи прилагали большие усилия для вовлечения в партию адыгейское население. Необходимо отметить, что в каждом населённом пункте Адыгеи к концу 1929 г. имелось по одной коммунистической ячейке.

¹ Подсчитано мною на основе данных: НАЦАРХИВ РА Ф. Р. 1. Оп. 4(а). Д. 122. Л. 8–9.

² Гонов А.М. Русские на Северном Кавказе. 20–30-е гг. Документы, факты, комментарии. М., 1995. С. 102–106.

³ Клыбик Е.Н. Материалы статистических исследований как источник по истории Адыгеи (20–30-х гг.): автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Майкоп, 2008. С. 29-30.

Этнонациональные особенности Адыгеи выражались в традиционности жизненного уклада адыгейского аула, сильном влиянии патриархально-мусульманских обычаев. Вопрос раскрепощения сознания адыгейцев от засилия патриархальных традиций был актуальным на многих пленумах и конференциях Адыгейского обкома ВКП(б). Стремление в кратчайшие сроки преобразить психологию адыгейцев выливалось с их стороны в различные акции неповиновения. Тем не менее, в 1920-е гг. удалось вовлечь адыгейцев как в низовые органы власти, так и в производство, образование, культуру. Кампания раскрепощения женщины-горянки также была успешной. Женщин стали избирать в кооперацию, сельские советы и т.д. Между тем психологическое состояние крестьян было различным. Беднейшее крестьянство поддерживало мероприятия власти, направленные на подъём коллективных хозяйств, середнячество занимало выжидательную позицию, кулачество становилось на путь неприятия реформ.

В третьем параграфе «Опыт сельскохозяйственного кооперирования в Адыгее» исследуется становление и эволюция кооперативных объединений в Адыгее в 1920-е гг.

Анализ широкого круга архивных источников позволил установить, что кооперативное движение в Адыгее условно прошло два этапа. Первый этап – 1921-1926 гг., второй – 1926-1929 гг. Первый этап в развитии кооперации можно охарактеризовать как период её становления.

В рамках функционирования многоукладной экономики происходило вовлечение значительного количества крестьян в первые объединения. Государство помогало кооперативам кредитами, машинами и т.д. На первом этапе происходило становление таких форм кооперации как: ТОЗы, коммуны, артели, (ККОВы), совхозы. Ввиду тяжелого экономического положения, хозяйственной разрухи на данном этапе преобладали кооперативы универсального типа, осуществляющие сбытово-снабженческие функции.

В Адыгее в русских станицах наибольшее распространение получили (ТОЗы), так как в них требовался наименьший процент обобществления средств производства, что и привлекало крестьян. В восстановительный период развития сельского хозяйства они явились тем инструментом, который способствовал подъёму индивидуальных крестьянских хозяйств.

Коммуны являлись полной противоположностью ТОЗов. Степень обобществления средств производства здесь была максимальной. В Адыгее в 1925 г. существовало пять коммун: «Румяный Восток», «Заря», «Красный герой», «Свободный труд», «Просвещение труда». Они располагали 1299 га земли, из которых 729 использовались под посев¹. По социальному составу первые коммуны были бедняцкими, возглавляли их бывшие красные партизаны, окружные партийные работники. Коммунарам был присущ творческий характер хозяйствования, в коммунах у крестьян постепенно трансформировалась частнособственническая психология, менялась трудовая этика, претерпевал изменения культурный уровень крестьянства. Однако слабая материально-техническая база первых коммун, нехватка специалистов не способствовала распространению их опыта на адыгейское крестьянство.

В Адыгейском ауле ключевую роль в переделке сельского хозяйства на социалистический лад играли (ККОВы). Именно они были первыми застрельщиками по механизации и машинизации адыгейского аула. В каждом районе существовал свой образцово-показательный ККОВ. Между тем часто в них господствовала круговая порука, семейственность. Нередки были случаи, когда ККОВы возглавлялись служителями религиозного культа, иногда он мог существовать только на бумаге.

Совхозы (крупные государственные предприятия) были менее распространены в Адыгее, тем не менее по оснащённости техникой они занимали лидирующие позиции. В Адыгее в 1920-е гг. было пять совхозов: «Отрадный», «Основа», «Адыге», «Некрасовка»,

¹ НАЦАРХИВ РА Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 183.

«Случайное». Именно они помогали окрестному населению осуществлять различные сельскохозяйственные операции, такие как вспашка, боронование, культивирование. В совхозах уровень оплаты труда был фиксированным, поэтому окрестное население нередко отправлялось туда на заработки.

Второй этап развития кооперации совпадает с борьбой различных группировок в ЦК ВКП(б) за власть, что отражалось и на государственной политике в области кооперации. Государство в это время, благодаря гибкой налоговой политике, а именно освобождению от сельскохозяйственного налога беднейших крестьян, снижению налогового обложения пытается стимулировать развитие сельского хозяйства.

Таким образом, на данном этапе Адыгея уже имела немалый опыт кооперирования сельскохозяйственного производства, функционировали различные формы кооперативных объединений, вносящих весомый вклад в дело реконструкции сельского хозяйства. Тем не менее, к 1929 г. к коренному переходу к сплошной коллективизации – Адыгея не была готова.

Третья глава **«Переход к сплошной коллективизации в Адыгее и её особенности»** посвящена проведению сплошной коллективизации и раскулачиванию, их особенностям и последствиям. В первом параграфе «Политика реализации сплошной коллективизации в Адыгее: общие тенденции» особое внимание уделяется комплексу условий и причин, обеспечивших переход к сплошной коллективизации, исследуется механизм принятия решений в ЦК ВКП(б), эволюция взглядов партийных деятелей на развитие сельского хозяйства в конце 1920-х гг.

Период с 1926 по 1929 гг. условно можно назвать подготовительным периодом в проведении сплошной коллективизации. В это время были изданы различные нормативные документы, касающиеся подъёма и реконструкции сельского хозяйства страны. Необходимо отметить, что среди членов ЦК ВКП(б) отсутствовала единая точка зрения по поводу перехода к сплошной коллективизации.

Условно выделились две «группировки»: сторонники рыночных взаимоотношений с крестьянством (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) и последователи политики «чрезвычайщины» (И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.И. Каганович и др.). Сложность ситуации состояла и в том, что расхождение по поводу политики партии в деревне совпадала с ожесточённой борьбой за власть, где каждый из оппонентов предлагал своё решение крестьянского вопроса. В итоге победу одержал И.В. Сталин и его сторонники, что во многом предопределило начавшуюся насильственную сплошную коллективизацию. Разработкой политики сплошной коллективизации занималась комиссия под руководством наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева. Первый проект коллективизации был подготовлен им в декабре 1929 г. Доработанный по указанию И.В. Сталина проект был представлен в Политбюро 3 января 1930 г.

Необходимо отметить, что состав комиссии несколько раз менялся по инициативе И.В. Сталина. В ходе исследования было выяснено, что такие члены ЦК ВКП(б), как: Т.Р. Рыскулов, Г.Я. Беленький и другие, не поддерживающие ускоренные темпы сплошной коллективизации, из комиссии были исключены и впоследствии репрессированы. В конечном итоге И.В. Сталин ужесточил и без того жёсткий проект сплошной коллективизации Я.А. Яковлева в сторону максимального обобществления всех средств производства и сокращения сроков сплошной коллективизации для зерновых районов СССР до двух лет.

Были определены следующие сроки завершения коллективизации в СССР: Северный Кавказ, Средняя и Нижняя Волга – осень 1930 – весна 1931 гг.; Украина, Центрально-Черноземный район, Сибирь, Урал, Казахстан – осень 1931 – весна 1932 гг.; Остальные регионы СССР к 1933 г.¹

¹ КПСС в резолюциях, решениях съездов и пленумов ЦК: в 15 т. Т. 5. М., 1984. С. 73.

По решению партийных и советских органов округа и области Северного Кавказа (сообразуясь с их культурным и хозяйственным развитием) были разделены на: -районы первоочередной коллективизации (Донской, Донецкий, Шахтинский, Сальский, Ставропольский, Терский, Кубанский, Армавирский и Майкопский округа, Северо-Осетинская и Адыгейская области);

- районы второочередной коллективизации (Карачаевская, Черкесская, Кабардино-Балкарская, Ингушская и Чеченская области, Черноморский округ).

- Адыгея была отнесена к районам первоочередной коллективизации, где её необходимо было закончить к весне 1931 г. Темпы и сроки коллективизации были обсуждены на заседании обкома ВКП(б) Адыгеи 15 сентября 1929 г., но мнения у членов партии разделились. Образовались две группировки: первые – не видевшие перегибов во время коллективизации, и вторые – трезвомыслящие, объективно оценивающие ситуацию. Лидером первых был К. Такахо, умеренным был С. Кадаш. Вся внутрипартийная борьба отражалась в конечном счете и на темпах коллективизации в Адыгее. Тем не менее, спустя некоторое время, была поставлена задача завершить сплошную коллективизацию области к весне 1931 г.

В целях разъяснения преимуществ колхозного строя в январе было проведено четыре районные конференции в аулах: Хакуринохабль, Понежукай, Тахтамукай и селе Николаевском. В целом крестьяне поддерживали политику сплошной коллективизации, хотя и считали её несколько поспешной. Настроение крестьян на конференциях можно охарактеризовать как настороженное. Центральными на конференциях стали вопросы: роль бедноты и середняков в колхозах, судьба кулаков, мулл и т.д.

Сплошная коллективизация разрушала традиционный уклад жизни адыгейских и русских крестьян. Психологически тяжелее всего вовлекались в колхозы крестьяне старшего возраста, носители традиционных устоев, значительно легче коллективизацию воспринимали молодые люди, особенно комсомольцы, которые являлись носителями новых социалистических идей.

Исследование выявило, что во время сплошной коллективизации часто нарушался ленинский принцип добровольности и постепенности организации колхозов. Партийные функционеры любыми средствами пытались выполнить планы по коллективизации. Крестьян Адыгеи, отказывающихся вступать в колхоз запугивали расстрелом, высылкой на «соловки», раскулачиванием.

В период сплошной коллективизации сельского хозяйства большое распространение получили слухи. Распространителями слухов, как правило, выступали представители зажиточных слоёв деревни, служители религии и женщины. В ряде аулов кулачество выдвинуло лозунг «Долой колхозы, которые уничтожают близкие и дорогие нам обычаи». В а. Пчегатлукай, Афиписип кулачество распространяло слухи о войне. При этом кулаки оказывали давление на женщин, им внушалось, что «детей будут брать в ясли, солить в бочках и отправлять в Китай, женщин будут обобществлять, сошьют стометровые одеяла, и все будут ими укрываться»¹.

¹ НАЦАРХИВ РА Ф. Р.1. Оп.1. Д. 423. Л. 36.

Защитной реакцией крестьянства на политику сплошной коллективизации являлись различные формы крестьянских протестов. В Адыгее в отличие от Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни и Дагестана преобладали пассивные формы протеста над активными. Выступления крестьян в регионе в основном носили локальный характер и не выходили, как правило, за рамки одного населённого пункта. Между тем, в ходе исследования было выявлено, что в Адыгее существовали агентурные дела таких контрреволюционных организаций, как: «Черноморцы», «Обиженные», «Горные орлы» общей численностью в 100 штыков¹.

В Адыгее имело место и такое явление, как «бабы бунты». Однако женщины выступали не против коллективизации, а против закрытия церквей, мечетей и в защиту кулаков. Наиболее массовое выступление русских женщин против коллективизации произошло в ст. Махошевской 21 декабря 1929 г., и в адыгейском ауле Хатажукай². Из пассивных форм сопротивления, как свидетельствуют архивные документы, преобладающим был невыход на работу. Осенью 1930 г. он получил настолько массовый характер, что в отдельных аулах по настоянию областного комитета ВКП(б) была введена всеобщая трудовая повинность.

Материальное положение первых колхозов Адыгеи было неудовлетворительным. Коллективные объединения зачастую существовали только на бумаге. Первые колхозы были плохо обеспечены сельскохозяйственной техникой. Им не хватало специалистов: агрономов, зоотехников, счетоводов, трактористов, отсутствовала единая тарифная сетка оплаты труда. В каждом районе существовали свои минимальные и максимальные тарифы. Уровень оплаты труда в колхозах Адыгеи варьировался от 17 коп. в Шовгеновском до 1 руб. 50 коп. в Псекупском районах. В таких колхозах Псекупского района, как «Понежукай», «1 мая», «Свободный бжедух» оплата труда производилась продуктами питания: пшеница, сахар, мука и т.д.

Итогом сплошной коллективизации в Адыгее явилось создание 185 крупных коллективных хозяйств и 7 совхозов. По направлению деятельности преобладали полеводческие и табаководческие. Они составляли 24 колхоза, также были распространены животноводческие, огороднические, садоводческие. По степени обобществления средств производства преобладали ТОЗы (137), располагавшие следующей техникой: 5 комбайнов, 135 тракторов, 5,5 тыс. плугов, 4,1 тыс. борон. По партийной принадлежности большинство колхозников были беспартийными³. Культурно-бытовое обслуживание в первых колхозах практически отсутствовало. Особенно не хватало столовых, библиотек, яслей.

Значительным успехом сплошной коллективизации явилось включение в сельскохозяйственный оборот больших площадей пустующих земель, а также создание крупных машинно-тракторных станций.

Во втором параграфе «Процесс раскулачивания и ликвидации кулачества как класса: этапы, особенности, социальные последствия» анализируются подготовительные мероприятия советского государства в отношении кулачества, а также ход, этапы и особенности раскулачивания в Адыгее.

Политика власти в отношении зажиточного крестьянства была противоречива на всём протяжении колхозного строительства. Трудности коренились в отсутствии чётких критериев в определении кулачества. Соответственно и политика ЦК ВКП(б) в отношении кулачества была противоречива. Вплоть до конца 1929 г. советское правительство по

¹ Подсчитано мною на материалах: Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК-ОГПУ. М., 2012. С. 212-213.

² НАЦАРХИВ РА. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 328. Л. 72.

³ Подсчитано мною на основе данных НАЦАРХИВ РА. Ф. Р.5. Оп. 1. Д. 188. Л. 1-33.

отношению к кулачеству использовало сугубо экономические методы: усиленное налоговое обложение, запрет найма рабочей силы, недопущение в кооперацию и т.д.

Провозглашённая И.В. Сталиным политика сплошной коллективизации предопределила ликвидацию кулачества как класса. Комиссию по раскулачиванию возглавил член Президиума ЦИК СССР В.М. Молотов. В эту комиссию вошли такие видные деятели ЦК ВКП(б), как Я.А. Яковлев, Г.Г. Ягода, А.А. Андреев, Ф.И. Голощёкин и др. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1930 г. разделило кулаков на три категории в зависимости от их отношения к советской власти. Первую категорию составляли контрреволюционный кулацкий актив, которых необходимо было немедленно ликвидировать путём заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессий; ко второй категории причислялись богатые кулаки и полупомещики, которые подлежали высылке в отдалённые местности СССР или в пределах данного края в отдалённые его районы; третью категорию составили кулаки, оставляемые в пределах района, которые подлежат расселению на новых отводимых им участках за пределами колхозных хозяйств¹.

Имущество, денежные средства, облигации раскулаченных крестьян предполагалось включить в неделимые фонды колхозов. В Адыгее, как и в других регионах страны эта мера привела к большим перегибам, когда бригады по раскулачиванию забирали не только скот, инвентарь, деньги, но и столовые принадлежности, кольца, ткани и т.д. В этот период комиссии по учёту и распределению кулацкого имущества были завалены различными жалобами на несправедливое изъятие имущества. При раскулачивании часто нарушались не только закон, но и элементарные нормы этики. Так 18 марта 1930 г. в комиссию по учёту и распределению кулацкого имущества обратилась с заявлением гр. Сердюкова с просьбой оставить ей из описанного необходимые вещи домашнего имущества. Постановили: разрешить выдать гр. Сердюковой следующие вещи домашнего обихода: 2 подушки, старые простыни, 1 примус, 5 вилок, 5 ложек чайных, 2 платья шерстяных и т.д. Чернову В.А. были возвращены серебряный браслет, часы серебряные, ткань 4 м, мужские рубашки 4 шт., кровать железная с сеткой 1 шт., 10 полотенец и 1 шаль². Но такие возвраты имущества были скорее исключением, чем правилом.

Конфискованные дома кулаков рекомендовалось передать на нужды учреждений народного образования. Так в а. Егерухай 2 дома использовались под школу, в х. Михайловом, Дорошенково, в селах Еленовское, Штурбино по одному дому³. Эта мера лишь незначительно улучшила доступность школьного образования для детей.

Всего предполагалось выселить из Северо-Кавказского края 25-30 тыс. – кулаков первой и второй категории, в том числе из Адыгеи 1240 семей. Особенностью Адыгеи являлось то, что раскулачивание здесь продолжалось три года с 1929 по 1932 гг., и связано оно было с трудностью в выявлении кулака. На первом этапе раскулачивание проводилось на фоне хлебозаготовительной кампании. Как свидетельствуют архивные источники, «мягкий» вариант раскулачивания в Адыгее начался летом 1929 г. Статистика уголовных дел за лето 1929 г. в Адыгее свидетельствует о том, что было привлечено за укрывательство хлеба 39 крестьян: кулаков, торговцев, середняков и один крестьянин – бедняк. Из них к условному сроку наказания были приговорены 1, к принудительным работам 7, от 1 до 3 лет 23 и свыше 3 лет 7 крестьян. Было конфисковано в пользу государства 86 ульев, 360 м ткани, 18 облигаций по 85 р.⁴ Фактически в этот период под категорию кулаков попадали скорее

¹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 59.

² НАЦАРХИВ РА. Ф.Р. 111. Оп. 1. Д. 7. Л. 45-49.

³ Там же. Ф.Р. 19. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

⁴ Там же. Ф.Р. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 40-41.

крепкие середняки, которые психологически чувствовали себя неуверенно и стремились оправдать себя в вышестоящих инстанциях. Второй этап январь – март 1930 г. совпадает с апогеем сплошной коллективизации и массовым раскулачиванием по стране.

Массовое раскулачивание в Адыгее пришлось на третьем этапе – осенью 1930 г. Наиболее пострадавшими от раскулачивания оказались крестьяне с. Еленовского в Псекупском районе, где по переписи 1926 г. проживало 860 человек, было раскулачено 160 человек, то есть каждый пятый. Из а. Джиджихабль, где проживало 936 жителей, было раскулачено 153 человека, то есть каждый шестой крестьянин¹. Кулаков из Адыгеи ссылали в необжитые районы Урала, Западной Сибири, Северного Казахстана. Трудились раскулаченные крестьяне в таких организациях, как Союззолото, Северолес, Стройотдел, Рыбтрест и др.

В Адыгее раскулачивание вызвало и новое масштабное явление – дети-беспризорники. Больше всего их было в Псекупском районе. Власти стремились улучшить их положение. По постановлению Адыгейского обкома ВКП(б) в этих целях рекомендовалось всех здоровых детей в возрасте от 14 лет трудоустроить в окрестные колхозы и совхозы. Только лишь один совхоз «Хатукай» принял на работу 30 детей – беспризорников, предоставив им жильё и трёхразовое питание². Многие семьи, как адыгейские, так и русские, забирали себе таких детей. Но страх быть наказанными властью ограничивал круг таких желающих семей.

В ходе анализа и подсчёта вновь открывшихся архивных материалов удалось установить, что из Адыгеи было выслано 1280 семей. 200 семей кулаков третьей категории были сосланы в Дивенский район Ставропольского края, в том числе 23 семьи были сосланы в село Лиман. Впоследствии из них было реабилитировано и вернулось на родину только 3 семьи³. Материальное положение сосланных кулаков было катастрофическим. Для обустройства на новых местах жительства крестьянам не предоставлялось никаких условий. Первое время они вынуждены были жить в наспех вырытых землянках без всяких средств к существованию, что объясняет большую смертность в первые годы среди детей и стариков.

В целом проведённая сплошная коллективизация и раскулачивание полностью изменили систему социально-экономических отношений в деревне и сопровождалась применением широких форм насилия по отношению к крестьянству. Коллективизация изменила форму хозяйствования адыгейского крестьянства, в ходе её проведения крестьяне оказались оторванными от земли, пропала мотивация труда, произошёл процесс «раскрестьянивания».

В заключении диссертационной работы подведены итоги реализации задач и цели исследования. Основные выводы заключаются в следующем:

Современное состояние исторического знания о коллективизации демонстрирует смещение исследовательских акцентов с изучения традиционных проблем: социально-экономических, культурных и др. в область крестьянской ментальности. Данная тема давно вышла за рамки строго исторической науки. Философы, социологи, экономисты с новой силой обращаются к истокам, сущности политики сплошной коллективизации, не утихают споры и по количеству раскулаченных крестьян, оценках в подходах к голоду 1932-1933 гг.

Идеи о сельскохозяйственной кооперации зародившиеся в Западной Европе в XVI веке и развивавшиеся на протяжении последующих веков, нашли своих последователей в России в XIX веке. Период первой половины XIX века – это время зарождения различных общественно-политических движений. В рамках этих движений появляются мыслители, ищущие пути выхода России из социально-экономической отсталости. Наибольший вклад

¹ Посчитано мною на основе данных: НАЦАРХИВ РА. Ф.Р. 1. Оп. 1. Д. 532. Л. 3-4.

² Посчитано мною на основе данных: НАЦАРХИВ РА. Ф.Р. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 8.

³ НАЦАРХИВ РА. Ф.Р. 1. Оп. 4 (а). Д. 127. Л. 43.

в развитие теории кооперации внесли российские учёные М.И. Туган-Барановский, А.Я. Чаянов, Н.Д. Кондратьев. Наибольших успехов в теории кооперации достиг В.И. Ленин. Базовыми его принципами стали добровольность вступления, постепенность, наличие развитой материально-технической базы, повышение культуры населения, использование опыта старых кооперативов и т.д. Советской властью в 1920-е–начале 1930-х гг. в Адыгее была проведена колоссальная работа по ликвидации социально-экономической и культурной отсталости области, тем не менее сказывалось сильное влияние традиций и обычаев на жизненный уклад населения области.

Изучение опыта осуществления коллективизации в Адыгее свидетельствует, усилившееся с конца 1920-х гг. административное давление на крестьян, кризис хлебозаготовок 1927-1928 гг. обусловило свёртывание НЭПа и переход к политике чрезвычайщины в деревне. В целом, поддерживая политику коллективизации, крестьяне Адыгеи выражали возмущение насильственными формами организации колхозов, бюрократизации управленческого аппарата, отсутствию справедливых форм оплаты труда.

Ни по природно-географическим условиям, ни по материально-технической базе, ни по уровню социально-экономического развития, Адыгея не была готова к переходу к такому широкомасштабному акту как всеобщая коллективизация. Однако умело проведённое районирование, землеустроительные работы, урегулирование арендных отношений, рациональное использование административных ресурсов, налоговые льготы, предоставляемые государством колхозам, расширение бытового обслуживания, повышение уровня культуры населения обеспечили быстрое завершение коллективизации к весне 1931 г. в числе первых на Северном Кавказе.

Во время проведения сплошной коллективизации в Адыгее получили распространение слухи. Они являлись защитной реакцией крестьянства на политику террора и устрашения со стороны властей. Нередко слухи становились предвестниками протестного движения. В отличие от других районов Северного Кавказа, где произошли вооружённые выступления против политики насильственной сплошной коллективизации, в Адыгее они носили локальный характер.

Одной из трагичных сторон коллективизации явилось раскулачивание. Раскулачивание в Адыгее прошло три этапа, самый массовый пришёлся на осень 1930 г. Всего было раскулачено 1280 семей, вместо 1240 семей по плану, были определены места их ссылки. Для такого маленького региона, как Адыгея, где по переписи 1929 г. проживало 126 тыс. человек, это неоправданно много, что свидетельствует о том, что в число раскулаченных попало немало середняков и даже вчерашних бедняков. В ходе коллективизации и раскулачивания репрессиям подверглась значительная часть самых работоспособных хозяйств.

Прямым результатом насильственной коллективизации и раскулачивания стал голод 1932–1933 гг. По данным исследователей за этот период в Адыгее умерло более 16 тыс. человек. Однако это явление нельзя считать преднамеренным актом правительства по уничтожению зажиточного крестьянства. Скорее это результат сталинской чрезвычайной политики хлебозаготовок.

В результате проведённой сплошной коллективизации появился новый класс – колхозное крестьянство, но был нарушен идеал крестьянина «вольный труд на свободной земле». Крестьянин был оторван от земли, была подорвана мотивация к труду. Тем не менее, итогом коллективизации в Адыгее стало превращение её в крупный зерновой регион. Адыгейская деревня в процессе социалистической модернизации постепенно меняла свой облик, более активно шёл процесс вовлечения крестьян в новые формы общественных отношений.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ
ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК РФ:

1. Ващенко, И.И. Проблемы землеустройства, арендных отношений и кооперирования в Адыгее накануне и в начале коллективизации: психологический аспект / И.И. Ващенко // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – Вып. 2 (59). – С. 43-48. (0, 41 п.л.).
2. Ващенко, И.И. Ленинская теория кооперации: истоки, становление и сущность / И.И. Ващенко // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. – Вып. 4 (88). – С. 90-94. (0,2 п.л.).
3. Ващенко, И.И. Политика советской власти по отношению к кулачеству в 20-х гг. XX в.: дискуссии в ЦК ВКП(б) и в обществе / И.И. Ващенко, Ф.Х. Шебзухова // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. – Вып. 1 (113). – С. 52-58. (0,37 п.л.).
4. Ващенко, И.И. Протестное движение на Северном Кавказе в период коллективизации / И.И. Ващенко // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: Изд-во АГУ, 2017. – Вып. 3 (204). – С. 14-19. (0,41 п.л.).
5. Ващенко, И.И. Слухи и их распространение на Северном Кавказе в период коллективизации / И.И. Ващенко, Ф.Х. Шебзухова // Вестник Майкопского Государственного Технологического Университета. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2018. – Вып. 4. – С.13–19. (0,37 п.л.).

Другие публикации:

6. Ващенко, И.И. Истоки Российской кооперации: теоретический аспект / И.И. Ващенко // Материалы VI Всероссийской научной конференции молодых учёных. «Наука. Образование. Молодёжь». (5-6 февраля 2009 г.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – Т. I. – С. 316-319. (0,26 п.л.).
7. Ващенко, И.И. Начальный этап коллективизации в Адыгее / И.И. Ващенко // Ежегодный сборник научных статей учёных и аспирантов АГУ. Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – С. 231-236. (0,38 п.л.).
8. Ващенко, И.И. Идеологическая и социально-психологическая подготовка крестьянства к вступлению в колхозы в 20-х гг. XX столетия / И.И. Ващенко // Ежегодный сборник научных статей учёных и аспирантов АГУ. Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. – С. 232-240. (0,5 п.л.).
9. Ващенко, И.И. Курс на переход к сплошной коллективизации и реакция крестьянства: социально-психологический аспект / И.И. Ващенко // Материалы Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. Тула: Изд-во Тульский полиграфист, 2011. – С. 103-105. (0,15 п.л.).
10. Ващенко, И.И. Особенности раскулачивания в Адыгее: проблемы психологии раскулачиваемых / И.И. Ващенко // III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Кубанские исторические чтения», 20 июня 2012 г. Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации, 2012. – С. 128-131. (0,20 п.л.).
11. Ващенко, И.И. Изменение психологии кулачества Адыгеи в период перехода к сплошной коллективизации / И.И. Ващенко // Историческая психология в XXI веке:

Теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. – С. 52-58. (0,28 п.л.).

12. Ващенко, И.И. Влияние слухов и мифов на психологию крестьян Адыгеи в период проведения сплошной коллективизации в конце 1920-х начале 1930-х гг.: социально-психологический аспект / И.И. Ващенко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. – Т. 20. С. – 2101-2105. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:[http:// e-koncept.ru/2014/54684.htm](http://e-koncept.ru/2014/54684.htm).